

**ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО АРХИМАНДРИТА
БОРИСА (ХОЛЧЕВА) И ЕГО «ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»***А. Ф. Грушина*

Будущий архимандрит Борис (в миру — Борис Васильевич Холчев) родился в Орле 7 июня 1895 г. Вскоре после рождения крестил младенца священник Алексей Рождественский в церкви Успения Пресвятой Богородицы. Характер Бориса, миролюбивый, спокойный, но твёрдый, определился рано. Родные отмечали его сходство в этом с дедом по отцу — сыном крепостного, в молодости обучавшимся иконописи, а затем ставшим учителем рисования в Орле. Дед был глубоко верующим, целомудренным и волевым человеком. И Борис с юных лет удивлял окружающих самостоятельностью и серьёзностью — никто не видел его раздражённым, никогда и ни на кого он не повышал голоса, смеялся редко. В 1905 г. Борис поступил в 1 Орловскую гимназию. Успевал он прекрасно и «поведения был образцового», поэтому постоянно освобождался от платы за обучение, а в пятом классе стал получать именную городскую стипендию. Много читал. Круг чтения определялся поэтической настроенностью отрока и философским складом его мышления: русская поэзия, труды по естествознанию и философии, творения святых отцов, научные журналы.

Чтобы покупать книги, Борис занимался репетиторством, давал частные уроки и проявил при этом недюжинный педагогический дар. Вёл почти монашеский образ жизни, основой которого были молитва, пост (в четырнадцать лет он и вовсе перестал есть мясо) и труд. Почерпнутые из книг и на гимназических занятиях знания Борис стремился поверять внутренним опытом, неустанно боролся со своими недостатками, занимаясь самосовершенствованием в духе евангельских заповедей. Много лет спустя он скажет: «Надо трудиться, чтобы привлечь к себе благодать Божию. Если не будет борьбы, труда, то и благодати не к чему будет прикоснуться».

В 1913 г. Борис Холчев окончил гимназию с золотой медалью. В аттестате отмечались «отличные успехи в науках, в особенности же в русском языке и философии». Назначенная гимназией поощрительная стипендия имени профессора Рота для продолжения образования позволила Борису поступить в Московский университет на философское отделение историко-филологического факультета. Там он сразу же обратил на себя внимание преподавателей. Экзаменаторы не столько проверяли его знания, которые неизменно оказывались блестящими, сколько вели с ним беседы. На первых курсах Борис занимался у таких крупных учёных, как Л. М. Лопатин (курс истории новой философии), Д. Н. Ушаков (курс истории русского языка), И. В. Попов (курс истории средневековья). Одним из лучших своих учеников считал Бориса Холчева профессор Георгий Иванович Челпанов,

известный психолог, философ, логик, основатель и директор Московского научно-исследовательского института психологии при университете.

Учась в университете, Борис Холчев жил в общежитии на Большой Грузинской улице. Материальной помощи от семьи почти не получал, поэтому вынужден был зарабатывать на жизнь частными уроками, а когда подросли младшие братья и сестра, начал сам помогать родным, из-за чего пришлось часто пропускать занятия. Отсутствие Бориса на лекциях сразу заметили. Узнав о том, что он нуждается, профессор Челпанов исходатайствовал для него одну из десяти стипендий, предназначенных особо одарённым студентам.

В Москве Борис поначалу бывал в разных храмах, но сердце его «прилепилось» к церкви Николы-Кленники на Маросейке и её настоятелю, протоиерею Алексию Мечёву — старцу в миру, ставшему духовным отцом Бориса Холчева. Его маросейские братья и сёстры привыкли видеть в храме недалеко от входа, около большой иконы Святителя Николая, целиком погружённого в совершающееся богослужение и ничего вокруг не замечающего.

В 1915 г. Борис впервые поехал в Оптину пустынь, где в то время подвизались старцы Анатолий (Потапов) и Нектарий (Тихонов). Отец Анатолий принимал всех; отец же Нектарий принимал не каждого и не тотчас: ждать приходилось несколько дней. Многие не выдерживали и уходили. Но Борис, как он позднее рассказывал, сразу понял: его старец — отец Нектарий, и он будет ждать, сколько потребуется. Через три дня к нему наконец подошёл келейник отца Нектария и, назвав по имени (знать которого никак не мог), сказал, что батюшка зовёт. Спустя годы архимандрит Борис, вспоминая эту поездку, говорил своим духовным чадам, что преодолевших все трудности на пути к старцу тот вознаграждал «великим духовным утешением».

В годы учёбы в университете у Бориса появились верующие друзья среди студентов. Вокруг него составилась даже небольшой религиозно-философский кружок. Под влиянием Бориса двое из участников кружка, лютеране, перешли в православие.

Революция застала Бориса на студенческой скамье. Слабый здоровьем, он с детства страдал от ревматизма, вызвавшего хроническую болезнь сердца. Теперь к этим недугам добавился туберкулёз. Однако по благословию старца Нектария («нет, Боря, тебе надо учиться») в 1920 г. он окончил Московский университет. Ректор Орловского государственного университета, востоковед Н. И. Конрад¹ пригласил его на должность научного сотрудника кафедры психологии. В 1921–1922 гг. Орловский университет преобразовали в Высший педагогический институт, где Борис Васильевич Холчев стал секретарём философского отделения, преподавал курс общей психологии и вёл семинары по психологии и логике. В это же время он сотрудничал в Отделе охраны детей и материнства при Орловском Губздравотделе в должности экспериментального психолога.

В Орле молодой учёный активно участвовал в духовной жизни города, будучи секретарём церковного совета Воскресенского храма. В начале 1922 г., в ходе кампании по изъятию церковных ценностей, на квартире Холчевых был произведён обыск. Ничего запретного не обнаружили, но Бориса всё равно арестовали и заклю-

чили в тюрьму, где он находился с 22 апреля по 13 июня — почти два месяца. Освободили его, не предъявив никаких обвинений, однако стало понятно: из Орла лучше уехать. К тому же и профессор Г. И. Челпанов, не забывший своего талантливого ученика, приглашал Бориса Васильевича к себе. И Борис Васильевич принимает решение вернуться в Москву.

Основную работу в психологическом институте пришлось совмещать со службой в детском доме, где Борису Васильевичу «дали комнату, обед и ужин». В разное время, собирая материал для диссертации, он работал также ассистентом-психологом при Медико-педагогической клинике, которой руководил профессор П. В. Кашенко, и в Первом вспомогательном институте для умственно отсталых детей. Здесь Борис Васильевич познакомился с близким ему по духу врачом-невропатологом Клиники нервных болезней на Девичьем поле Сергеем Алексеевичем Никитиным (будущим епископом Можайским Стефаном)². Они подружились. По совету Бориса Сергей Алексеевич также стал прихожанином храма Святителя Николая в Кленниках, в 1931 г. был арестован по делу маросейской общины вместе с отцом Борисом, отцом Сергием Смирновым и ещё целым рядом прихожан.

С 1922 по 1927 г. Борис Васильевич Холчев активно и плодотворно трудился на научном поприще: проводил психологические исследования, консультации по педагогическим и методическим проблемам, читал доклады, лекции, всегда отличавшиеся «высокой мерой квалификации». Перед ним, как одним из первопроходцев в области экспериментальной психологии, открывалась блестящая будущность учёного. Была уже готова кандидатская диссертация, назначен день защиты, и Борис Васильевич поехал к старцу Нектарию за благословением. Однако отец Нектарий, до сих пор одобрявший и даже поощрявший его научную деятельность, неожиданно сказал: «А теперь оставь всё это и посвящайся во диакона церкви Николая-Кленники». Борис Васильевич принял указание старца без колебаний.

Многие знакомые и коллеги, знавшие Холчева как подающего большие надежды учёного, были поражены этим его шагом — пытались отговорить, переубедить. Борис Васильевич оставался непреклонен. Родители с одобрением встретили весть о будущем священстве сына, и профессор Челпанов выразил удовлетворение тем, что уже пять его учеников — священники, в их числе и отец Сергей Мечёв, окончивший словесное отделение того же факультета, что и Борис Холчев.

3 апреля 1927 г. Борис Васильевич Холчев подаёт прошение епископу Серпуховскому Алексию³, управляющему Московской епархией. На этом прошении отец Сергей Мечёв написал своё ходатайство о возведении Бориса Холчева в сан диакона с причислением к Никольской, что в Кленниках, церкви сверх штата, без вступления в брак: «Как духовник Бориса Холчева, принимавший его последнюю пред посвящением исповедь, со своей стороны не нахожу препятствий для принятия священного сана». 21 апреля 1927 г., в Великий четверг, в домовый церкви митрополита Макария в селе Котельники неподалеку от Москвы архиепископ Бийский Иннокентий⁴ рукоположил Бориса Холчева в сан диакона. В храме Святителя Николая в Кленниках на Маросейке диакон Борис теперь служил ежедневно.

12 мая 1928 г. в Холмищах отошёл ко Господу оптинский старец Нектарий. Незадолго до этого отец Борис и прихожанка храма Софья Александровна Энгельгардт⁵ приезжали повидаться с ним и по просьбе старца вызвали сюда отца Сергия Мечёва и врача Сергея Алексеевича Никитина. Теперь почти все духовные чада старца съехались в Холмищи уже на похороны. Отпевание возглавил отец Сергей Мечёв, а Борис Холчев участвовал в нём как диакон.

О следующем значительном событии в своей жизни диакон Борис 4 апреля пишет отцу в Орёл: «Дорогой папа! Сообщаю тебе одно известие, которое прошу сохранить пока в тайне: в субботу в день Казанской иконы Божией Матери за ранней литургией предполагается, если Бог благословит, моё рукоположение во священники. Прошу тебя и маму благословить меня на это, а также и помолиться — как накануне, так и в самый день посвящения — о том, чтобы Господь даровал мне душевные и телесные силы и крепость для достойного прохождения этого высокого служения».

Этим же летом, 21 июля 1928 г., в праздник Казанской иконы Божией Матери, Преосвященный Арсений (Жадановский)⁶ в храме Святителя Николая в Кленниках рукоположил диакона Бориса во пресвитера. Отец Сергей Мечёв посоветовал молодому иерею уехать в тихий подмосковный городок Верею, чтобы отслужить там положенные после посвящения сорок ежедневных литургий. В Верее у старца Алексия Мечёва был небольшой домик. Сюда в свободное время приезжал и отец Сергей. После рукоположения отец Борис стал ближайшим помощником отца Сергия в духовном окормлении прихожан. Но недолго пришлось им послужить вместе. В ночь с 28 на 29 октября 1929 г. отца Сергия Мечёва арестовали и вскоре выслали в городок Кадников Вологодской области. Все заботы о храме и о духовных чадах отца Сергия легли на отца Бориса.

Именно в тот нелёгкий период жизни отца Бориса, накануне грядущих тяжёлых испытаний, Господь послал ему преданного друга и помощника в лице Марии Петровны Лавровой⁷. Она родилась в 1870 г. в семье орловского помещика. Окончила Бестужевские курсы, а затем попала на учёбу в первый набор женщин-врачей. Хирург с большим стажем, доктор медицинских наук, Мария Петровна была всесторонне образованным человеком, с широким кругом интересов, но не находила полного душевного удовлетворения в своих занятиях. Знакомая, работавшая в своё время в Психологическом институте с отцом Борисом, рассказала ей о незаурядном учёном, который накануне защиты диссертации всё оставил и принял сан. Мария Петровна специально приехала из Ленинграда, чтобы познакомиться с этим священником, и пришла в Никольский храм на Маросейке. Их беседа длилась долго и совершенно изменила жизнь Марии Петровны, ставшей духовной дочерью отца Бориса.

17 февраля 1931 г. отец Борис Холчев был арестован вместе с 58-летним протоиереем Сергием Смирновым⁸, настоятелем маросейского храма после ареста отца Сергия Мечёва, старостой храма, врачом Сергеем Алексеевичем Никитиным и ещё четырнадцатью «наиболее активными» прихожанами. При обыске были изъяты личные документы отца Бориса, разная переписка. В тот же день его препроводили в Бутырскую тюрьму. От арестованных требовали показаний о якобы существовав-

шей при храме контрреволюционной группировке, которая вела антисоветскую деятельность, оказывала материальную помощь ссыльным священникам и их семьям. Из всех обвиняемых только одна прихожанка, не выдержав грубого нажима, оговорила и находящегося уже в ссылке своего духовника, и вновь арестованных иереев. Остальные никакой вины за собой не признали.

Отца Бориса Холчева допрашивали 27 февраля и 26 апреля 1931 г. Показания его были записаны следователем. «Священником я служу с 1927 г[ода]. Пошёл в служители культа по своему убеждению. До этого служил на советской службе и подготовлял себя к служению Церкви. Всё время нахожусь в церкви Николая в Кленниках на Маросейке. При алтаре обычно прислуживает кто-нибудь из прихожан, имена которых я говорить отказываюсь. Скажу только про одного наиболее активного работника церкви, кажется, советского служащего, часто и более определённо бывающего при служении, имя его Николай, высокий, немного похож на еврея**. В церковном хору в качестве певчих также имеются из советских служащих, но, кто они, я не знаю. Ни о каких собраниях я не знаю. Спевки происходили в нижнем этаже церкви, но на них я не присутствовал; что там происходило, помимо спевок, я не знаю. Официально помощь ссыльным наш приход не оказывал, но неофициально, может быть, и были сборы — я не слышал*. О поездках к высланному священнику Мечёву я ничего не слышал». Рукой отца Бориса было дописано: «*Как об официальной, так и неофициальной помощи ссыльным я ничего не слышал и не допускаю её. **Активным Николая я не считаю»⁹.

«В дополнение моих показаний от 27/II-31 г[ода] сообщаю следующее. Приход нашей церкви состоит в большинстве из старых прихожан. Служба нами после ухода Мечёва совершенно не изменилась, мы старались сохранять тот устав, который существовал при нём, т[о] е[сть] служба проходила у нас полностью. Некоторые прихожане-женщины придерживались обычая входить в церковь с покрытой головой. Сектантских уклонов у нас не было — [в] вопросах нравственности придерживались существующих учений православия. Настоятелем нашей церкви был о[тец] Сергей Смирнов. Я же был вторым священником. Мои взгляды и убеждения в отношении религии: я, как православный, считаю атеизм и материализм ложным и неправильным мировоззрением. В отношении политики являюсь аполитичным. Выступление митрополита Сергея с Декларацией считаю неправильным, потому что он[о] вносит политику в Церковь, вопреки Декрету отделения Церкви от государства. Агитации и пропаганды я не вёл, если кто обращался ко мне с вопросом о Боге, то я отвечал, что Бог есть и атеизм неправилен. Записано с моих слов и мне прочитано верно, в чём и подписуюсь»¹⁰.

26 апреля 1931 г, по окончании следствия, было составлено заключение, в котором все арестованные священнослужители и члены маросейской общины обвинялись в создании контрреволюционной группировки, распространении контрреволюционных брошюр и листовок, церковном поминании заключённых и оказании помощи ссыльным. 30 апреля 1931 г. Коллегия ОГПУ вынесла приговор. В отношении двух обвиняемых дело прекратили, отец Борис Холчев получил самый большой срок — пять лет заключения в лагере. С первым отходящим этапом его

должны были отправить в Вишерский лагерь ОГПУ. Вслед за этим, 6 октября 1932 г., маросейский храм официально закрыли, разорив всё его внутреннее убранство.

Отец Борис начал отбывать свой срок в Красновишерске, где работал на стройке, а в 1934 г. его перевели в Западно-Сибирский край в 5 Юргинское отделение Сиблага (станция Юрга Томской железной дороги). Заключение в лагере он переносил тяжело; даже спустя много лет признавался, что не может спокойно глядеть на постройки барачного типа. Но тяжелее всего был этап. Тех, кто падал, не поднимали — оставляли умирать при дороге. Здесь, на станции Юрга в совхозе № 1, отец Борис встретил знакомого по Оптиной пустыни иеродиакона Рафаила (Шейченко)¹¹. Как ветеринарный врач, тот пользовался привилегией жить не в общем бараке, а в «отдельном помещении» — стойле в свинарнике. Таковую же «привилегию» иеродиакон выхлопотал и для отца Бориса, который стал работать в свиноводческом хозяйстве счетоводом.

За «ударную работу» отцу Борису на год сократили лагерный срок. В 1935 г. он вышел на свободу — крайне ослабленным физически, с возобновившимся туберкулёзным процессом в лёгких, поселился в Орле с матерью и сестрой, а через три года переехал в Рыбинск, где прожил десять лет практически в затворе. Снял домик в тихом переулке, получил инвалидность (страдал туберкулёзом и сильной близорукостью). Таковы были внешние обстоятельства жизни отца Бориса.

Во время Великой Отечественной войны гонения на Русскую православную церковь приостановились, открывались храмы, монастыри, духовные семинарии и училища. 15 сентября 1948 г. отца Бориса Холчева назначили штатным священником храма Преподобного Сергия Радонежского в Фергане. Почти сразу же он стал благочинным Ферганского округа, а через два года — настоятелем Сергиевского храма. Храм этот, переделанный из немецкой кирхи, небольшой, ослепительно белый на фоне окружающей зелени, был очень красив. После затворнической жизни в Рыбинске отец Борис Холчев оказался в самой гуще людского водоворота. Кого только не было в Средней Азии! Владыка прислал в помощь отцу Борису его давнишнего знакомого по маросейскому храму протоиерея Петра Константинова, которого на Маросейке именовали Загорянским по месту проживания в посёлке неподалеку от станции с таким названием Ярославской железной дороги. Священники чередовались через неделю, а в праздники служили вместе. Вскоре народ потянулся к отцу Борису, молящихся в храме заметно прибавилось. В праздники отец Борис говорил замечательные проповеди, после которых людей ещё сильнее влекло к нему. Неоднократно он принимал на дому главу ферганских баптистов; наглухо закрывал дверь в свою келью, и они подолгу разговаривали.

Как только отец Борис поселился в Фергане, к нему стали приезжать духовные чада из Москвы. Кто-то из них, возвратившись, рассказал иконописцу Марии Николаевне Соколовой (в будущем монахине Иулиании)¹² о скудости убранства ферганского Сергиевского храма. Вскоре в Фергану начали разными путями переправлять образа, которые верующим удалось спасти при закрытии и разрушении церквей.

В Фергане отец Борис служил до 1953 г. За усердное проповедание Слова Божия он был награждён скуфьей, набедренником, камилавкой и золотым наперс-

ным крестом. За Божественной литургией, совершаемой в Успенском кафедральном соборе Ташкента 7 июня 1953 г., епископ Ташкентский и Среднеазиатский Ермоген (Голубев)¹³ возвёл отца Бориса в сан протоиерея и вскоре перевёл его из Ферганы в ташкентский кафедральный Успенский собор штатным священником. В Ташкент из Самарканда к отцу Борису стал приезжать архимандрит Серафим (Суторихин)¹⁴ — они друг у друга исповедовались. Позднее большим утешением для него стала возможность общения с давним другом и сотоварищем Сергеем Алексеевичем Никитиным¹⁵ — теперь отцом Сергием, который уже несколько лет служил в Средней Азии, а в 1955 г. был переведён в Ташкент и совершал, в череду с отцом Борисом, крещение взрослых.

В декабре 1953 г. Владыка Ермоген назначил отца Бориса членом епархиального совета, ответственным за подготовку кадров, по пенсионным вопросам, а также по делам помощи беднейшим приходам епархии. Продолжалось и его служение в соборе. Обладавший даром глубокого постижения сокровенной сути человека, он умел найти слова, проникающие в самую душу. Недаром в соборе ему было поручено крестить взрослых. Отец Борис был замечательным проповедником слова Божия; когда произносил проповеди, храм наполнялся народом, люди жадно ловили каждое его слово, а некоторые записывали всё, что говорил старец. В воскресенье после вечернего богослужения отец Борис проводил духовные беседы¹⁶. 7 октября 1955 г., под праздник Преподобного Сергия Радонежского, за всенощным бдением (после великого славословия) епископ Ташкентский и Среднеазиатский Ермоген с благословения Святейшего Патриарха Алексия совершил пострижение в мантию протоиерея Бориса (Холчева).

В ноябре того же года, в день памяти святителя Иоанна Златоуста, отец Борис был возведён в сан архимандрита. В 1956 г. Владыка Ермоген рекомендовал архимандрита Бориса на епископство. Владыка был настолько убеждён в благополучном исходе дела, что велел взять с собой в Москву для хиротонии архиерейское облачение. Между тем к власти в стране уже пришёл Н. С. Хрущёв, начинался период новых гонений на Церковь. По условиям времени, перед хиротонией необходимо было пройти собеседование в Совете по делам Русской православной церкви. Когда отец Борис в назначенный день явился туда, в уполномоченном, который должен проводить эту беседу, священник узнал следователя, допрашивавшего его после ареста в начале 1930-х гг. Тот тоже узнал отца Бориса — хиротония была отклонена.

В 1956 г. в Ташкентской епархии началось строительство нового собора — факт почти невероятный в годы хрущёвских гонений на Церковь. Способствовала этому, как это ни странно, в том числе и утверждавшаяся российско-индийская дружба. Со слов архимандрита Бориса автору рассказывала об этом дочь священномученика Сергия Мечёва Ирина Сергеевна, жившая в Москве, но поддерживавшая с маросейским духовником самые тесные связи.

В те годы в СССР перманентно ожидали с визитами и Джавахарлала Неру, и Индиру Ганди. Маршрут их вполне мог пролегать через богатый историко-культурными памятниками Ташкент. Срочно началась инвентаризация этих самых памятников. Свято-Успенский ташкентский собор размещался в бывшем больничном

корпусе военного госпиталя, построенного в 1878 г. К середине XX в. он обветшал настолько, что мог разрушиться в любой момент. Воспользовавшись ситуацией, якобы под видом ремонта, вокруг него и начали возводить стены — значительно шире и выше прежних. Работы, продолжавшиеся около двух лет, не нарушали ежедневного богослужения и велись под видом реконструкции «дома общественного пользования», как значилось в официальных документах. Без преувеличения — случилось чудо: в то время как по всей России закрывались храмы, в столице азиатской республики трудами и молитвами православных верующих был воздвигнут новый собор, вмещавший четыре тысячи молящихся. Правда, власти не оставляли надежды закрыть собор уже и после окончания работ. Так, накануне Крещения в 1962 г. сюда была доставлена срочная телеграмма: «В связи с эпидемией вирусного гриппа в г. Ташкенте служба в кафедральном соборе прекращается с 18/1 с 4-х часов дня до 1/II. Настоящее постановление обжалованию не подлежит. Глав. врач эпидемической станции Ильясов. 18 января 1962 года». Реакция прихожан последовала незамедлительно. Телеграмма эта и ответ на неё верующих сохранились в личном архиве архимандрита Бориса. Письмо прихожан Ташкентского кафедрального собора — бескомпромиссное, мужественное, в чём-то наивное, но исполненное стояния в Вере — заслуживает того, чтобы мы привели его полностью.

«Первому секретарю КПСС Ленинского района г. Ташкента

Копия: Никите Сергеевичу Хрущёву

Сегодня, 18/1-62 г., санитарным врачом Ленинского района, конечно, с Вашего ведома, а может быть и по Вашему заданию, запечатан наш кафедральный собор по мотивам: “Эпидемия гриппа”. Ни на одну минуту мы не поверили этому “мотиву”, так как в этот же день этот же врач снял карантин даже в школах Ленинского района.

Мы поняли, что это — очередной факт глумления и издевательства над нами и над Церковью, тем более со злорадным расчётом — накануне великого праздника Крещения Господня.

В церковь в основном ходят старые люди: матери, отцы и жёны почивших в Великой Отечественной войне, больные и калеки, люди, не имеющие ограды и утешения, кроме молитвы и веры в Бога. Недрогнувшей рукой вы посягнули и на это самое малое, что нам осталось. Над нашими детьми, мужьями и отцами издевались немцы-фашисты, а над нами издеваетесь вы.

Не говорите, что нас “грабят попы”. Нет, это мы сами с лёгким сердцем несём туда свои копейки — это так! Но сегодня нас ограбили вы, имеющие власть. Если завтра не будет открыт наш дорогой храм, то мы соберём не копейки, мы снесём все наши месячные пенсии без остатка, мы будем голодать, но сумеем послать тех, кому мы доверим эти хлопоты, в Москву.

Сегодня мы снесли на почту телеграммы Хрущёву и Патриарху, но мы уверены, что они не пойдут дальше ваших кабинетов, и поэтому мы вынуждены защищать свой храм всеми возможными средствами, в том числе и деньгами на расходы, и даже своей жизнью, если это вам так нужно.

Зачем вы прибегаете к такому низкому и жалкому способу? Ведь Хрущёв сказал, что коммунизм будет построен в течение 20 лет. К этому времени нас никого

не будет в живых, а наш прекрасный храм с его чудесной архитектурой, построенный нами с такой любовью, которым мы так гордимся, останется. Вот вы его тогда используйте как хотите — это ваше дело.

Ваши “разведчики”, конечно, были сегодня среди нас и видели, как сурово настроен народ: сколько слёз и рыданий, сколько собирается подписей, пишется заявлений, какая толпа стоит перед закрытым храмом, а ведь сейчас 10 часов вечера. Зачем вам это? И это “нападение” вы сделали сейчас, когда ещё не высохли чернила на резолюциях 8-го Вселенского Собора¹⁷, а ведь там были представители и нашего правительства. Вы сами попираете все законы и Конституцию, где записана “свобода вероисповедания”.

Зачем вы вынуждаете нас искать защиты и помощи от вас в то время, когда вы сами обязаны быть для нас опорой и защитой, нам — отдавшим своих мужей и детей для защиты Родины.

Прихожане Ташкентского кафедрального собора».

Приписка: «Письмо было вручено дежурному по Ленинскому РК КПСС в 11 часов ночи 18 января 1962 года».

Собор верующие не просто отстояли: наутро, в самый день Крещения Господня, здесь с особым подъёмом и воодушевлением служилась праздничная литургия.

В августе 1957 г. архимандрит Борис (Холчев) стал духовником епархии и нёс это послушание до самой своей кончины. В 1958 г. Святейший Патриарх Алексий наградил отца Бориса правом ношения второго креста с украшениями, а в 1964 г. указом Святейшего ему было разрешено совершать литургию при открытых царских вратах.

Отец Борис говорил, что имел в своей жизни двух учителей — святителя Игнатия Брянчанинова (его духоносные труды) и старца Нектария, наставника в практической жизни по заповедям Божиим. Этих великих подвижников он до последнего вздоха любовно и благоговейно чтит, став поистине «благодати старчества наследником». Однако сам он, по свидетельству священника Георгия Тревогина, «любил часто повторять, что является духовником, а не старцем».

10 ноября 1971 г. отец Борис, хотя чувствовал себя совсем плохо, был, как обычно, и за утренней, и за вечерней службой, участвовал в торжественном молебне с акафистом великомученику и целителю Пантелеимону. После молебна его ждали исповедники, но впервые за все годы служения отец Борис сказал, что переносит исповедь на утро. Вечером дома он попросил прочесть указанное им место из творений святителя Игнатия Брянчанинова. Прослушав чтение, отец Борис сказал, что обычный человек воспринимает мир пятью чувствами; есть люди, наделённые шестым чувством — интуицией, однако некоторые обладают и седьмым, воспринимаемая наиболее тонкие, сокровенные чувства и мысли людей. Этим чувством обладали и обладают старцы, которые видят душу человеческую.

Утром 11 ноября 1971 г. душа его мирно отошла ко Господу. На похороны отца Бориса съехалось много его друзей и духовных чад из разных уголков страны.

Погребли старца Бориса на кладбище в Ташкенте, возле часовни в честь иконы «Всех скорбящих Радосте».

Архимандрит Борис (Холчев) — выдающийся подвижник нашего времени. В нынешнем Психологическом институте Российской академии образования, созданном в начале 1920-х гг. профессором Г. И. Челпановым, с 1995 г. регулярно проводятся челпановские чтения; один из первых докладов этих чтений назывался так: «Практическая психология Бориса Холчева». В чём она заключалась? Прежде всего в том, что в тяжелейшие годы государственного, духовного и культурного слома России вокруг него спасались не сотни даже, а тысячи людей самых разных возрастов и профессий. Духовно-культурное пространство, в котором жили эти люди, не имело границ, а плодами сбережённых ими нравственных ценностей мы питаемся до сих пор.

¹ Конрад Николай Иосифович (1891–1970) — академик, востоковед, крупнейший специалист по Японии.

² Епископ Стефан (в миру — Сергей Алексеевич Никитин; 1895–1963).

³ Епископ Алексей (Готовцев; 1891–1936). С 1924 по 1927 г. — епископ Серпуховский, викарий Московской епархии.

⁴ Архиепископ Иннокентий (в миру — Константин Павлович Соколов; 1846–1937) — епископ Русской православной церкви, архиепископ Бийский и Алтайский. Отец Борис часто с благодарностью вспоминал архиепископа Иннокентия. Владыка помогал ему наставлениями в духовной жизни и богослужебной практике.

⁵ Энгельгардт София Александровна (1895–1973) — духовная дочь отца Сергия Мечёва. Часто посещала старца Нектария в Холмищах. Находилась там и в день кончины старца, о чём оставила подробные воспоминания (См.: «Друг друга тяготы носите...»: жизнь и пастырский подвиг священномученика Сергия Мечева: в 2 кн. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2012. Кн. 1. С. 276–278).

⁶ Епископ Арсений (в миру — Александр Иванович Жадановский; 1874–1937) — с 1914 г. епископ Серпуховский, викарий Московской епархии. С 1927 г. придерживался к умеренной правоконсервативной оппозиции, к курсу митрополита Сергия (Страгородского), примыкая к «непоминающим». Расстрелян на Бутовском полигоне.

⁷ Лаврова Мария Петровна (инокиня Маргарита; 1870–1967).

⁸ Протоиерей Сергей (Смирнов Сергей Васильевич; 1873–1945). Из семьи сельского священника. В 1898 г. окончил Московскую духовную академию, кандидат богословия. До закрытия в 1929 г. — настоятель церкви Иоанна Предтечи на ул. Малая Лубянка, затем служил в храме Святителя Николая в Кленниках. Духовник о. Сергия Мечёва и его матушки Евфросинии Николаевны. В феврале 1931 г. арестован в числе других маросейцев и сослан на 3 года в Вишлаг, г. Усолье.

⁹ Центральный архив ФСБ РФ. Дело Р–41650. Протокол допроса от 27.02.1931 г. Л. 98.

¹⁰ Там же. Л. 115.

¹¹ Преподобноисповедник Рафаил (Шейченко Родион Иванович; 1891–1957) — оптинский иеромонах. 11 апреля 2006 г. причислен к лику новомучеников и исповедников российских.

¹² Соколова Мария Николаевна (монахиня Иулиания; 1899–1981). Маросейская прихожанка, иконописец. С 1946 г. и до конца своей жизни работала в Троице-Сергиевой лавре, где создала целую школу иконописи и реставрации, традиции которой сохраняются в этих стенах и поныне.

¹³ Архиепископ Ермоген (в миру — Алексей Степанович Голубев; 1896–1978); с 1953 по 1960 г. — архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский.

¹⁴ Архимандрит Серафим (Суторихин Сергей Михайлович; 1901–1979). Учился на Богословско-пастырских курсах. В 1929 г. принял монашеский постриг, с 1930 г. — иеромонах. В годы гонений с 1932 по 1943 гг. отбывал сроки в лагерях. В 1948–1979 гг. служил в Георгиевском храме Самарканда, с 31.05.1959 г. — в сане архимандрита.

¹⁵ Епископ Стефан (в миру — Сергей Алексеевич Никитин; 1895–1963) прибыл в Ташкент в 1950 г., где его радушно принял Владыка Гурий. Служил в Курган-Тюбе, Ленинабаде и Ташкенте. Из-за болезни отец Сергей плохо переносил среднеазиатский климат и был вынужден через пять лет переехать в Днепрпетровск, где в 1959 г. принял монашеский постриг с именем Стефан.

¹⁶ *Протоиерей Вячеслав Тулунов*. Благословляю вас на подвиг жизни. М.: Русский Хронограф, храм Архангела Михаила, 2004. С. 112–113.

¹⁷ Вероятно, имеется в виду Архиерейский Собор Русской православной церкви, проходивший 18 июля 1961 г. в стенах Троице-Сергиевой лавры. Один из вопросов, рассматривавшихся на соборе, — реформа приходского управления.